

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

Родился в 1932 году в Киеве. Окончил Литературный институт им. Горького. Профессор Московского международного университета и Шведской писательской школы. Прозаик, драматург, публицист. Автор более 40 книг прозы и публицистики и 15 пьес, которые более 350 раз ставились в театрах России и Европы. Переводился на 40 с лишним иностранных языков. Главной темой его произведений всегда оставалась любовь. Лауреат нескольких российских и международных литературных премий, в том числе премии Союза писателей

Москвы «Венец». Секретарь Союза писателей Москвы. Живёт в Москве.

ЗАПИСКИ СВИДЕТЕЛЯ

Я дружил с Борисом Васильевым так долго, что уже не помню, когда мы познакомились. Судя по всему, в самом начале семидесятых. А вот как познакомились, помню очень хорошо.

Время тогда было своеобразное. С одной стороны, унизительно скучное. Полки магазинов были пусты, электрички, ползущие в Москву из Ярославля и Рязани, именовались «колбасными», нужные лекарства можно было добыть разве что в кремлевской аптеке, любители «сладкой жизни» по пять часов стояли в ГУМе за кроссовками, а доктор наук, съездивший на конференцию в Варшаву, считал, что повидал мир. С другой стороны, два билета на «Таганку» открывали двери в подсобку любого универмага, а однотолик Ахматовой во всей огромной стране был более конвертируемой валютой, чем нынче доллар.

Для писателей, достойных этого названия, время было далеко не худшее, - хотя ясно это стало лишь годы спустя. Да, печататься

было тяжело, да, жилось бедно, да, в издательствах и журналах на самых лакомых местах угрелись «патриоты» при КГБ. Но зато читательские встречи с честными поэтами и даже прозаиками собирали полные залы в домах культуры, а то и дворцы спорта. В те годы живое слово ценилось не меньше, чем напечатанное.

На встрече с читателями, если не ошибаюсь, московскими учителями, мы оказались рядом за столиком на сцене. Естественно, поздоровались. Потом Васильев что-то спросил. Я ответил, назвав его Борисом Львовичем, - ведь он был старше меня на восемь лет, а, главное, как тогда говорили, на целую войну. Он небрежно отмахнулся:

- Какой я тебе Львович? Ты писатель, и я писатель. Ты Леня, я Боря.

С тех пор так и пошло: я Леня, он Боря.

Дружить с Васильевым было легко: ни слава, быстро ставшая мировой, ни Государственная премия, полученная им не за прозу, а за сценарий, ни депутатство в горбачёвском Верховном Совете никак на нем не отразились. С поразительной естественностью он оставался самим собой. Этому помогала его постоянная погруженность в работу. Он написал не просто много - фантастически много. Романы, повести, сценарии, пьесы следовали друг за другом, практически, без перерыва. И всё это была по-настоящему качественная литература! Не только его главные, всем известные книги, но и такие, куда менее прославленные вещи, как «Вы чье, старичье?» или «Жила-была Клабочка», по сюжету, по любви к героям, да и просто по уровню письма достойны стоять в первом ряду прозы Двадцатого века.

В так называемом литературном процессе Васильев не участвовал. Не могу представить его редактором журнала или секретарем союза писателей на хорошей ставке. Он не стоял в очередях за орденами и премиями, за казенными квартирами и дачами. Всё, что имел, было честно куплено на честные гонорары. Любопытно, что о литературе мы с ним, если и говорили, то очень редко - он почти не следил за журнально-издательской текучкой, которая вольно или невольно отвлекла бы от главного дела жизни - работы за столом. Даже о классиках не говорил. Лишь однажды (потому и запомнилось) Боря задал неожиданный вопрос:

- А знаешь, кто лучший писатель в мире?

Я пожал плечами.

- Диккенс, - сказал Васильев. И объяснил: - Потому, что добрый.

Для него этот критерий был бесспорен.

Но, равнодушный к литературному процессу, Борис постоянно и пристрастно следил за процессами жизненными. Его до сих пор знают и заслуженно любят как прекрасного прозаика. Куда меньше он известен как публицист. А это глубоко несправедливо! Васильев был первоклассным публицистом, думаю, одним из самых ярких и глубоких за всю историю России. Он блестяще знал историю страны, историю языка, историю русской армии. Многие детали в его статьях просто поражали. Помню, он написал, как можно было вычислить, сколько в военных училищах времен Первой мировой войны было детей кадровых офицеров и сколько выходцев из иных сословий - надо было после обеда заглянуть в столовую. Отпрыски дворян, встав из-за стола, ставили стул на место, а дети купцов и мелких чиновников этикетом не заморачивались, их стулья так и болтались посреди зала.

Сам Борис происходил из офицерской семьи. Его отец служил сперва в царской армии, потом в Красной. Противоречия в этом не было никакого: отец не был политиком, и там, и там служил России. Несколько раз я слышал от Бори, что победа красных в Гражданской войне и в борьбе с интервенцией не была случайной: именно кадровые российские офицеры, которых расставлял на командные посты Троцкий при поддержке Ленина, обеспечили успех новой власти. Отца Борис вспоминал охотно и часто, всегда с огромным уважением. Именно так, по прямой линии, из рук в руки, получил он и точное представление о русском военном сословии, и, до последних дней, прямую спину, и офицерское понятие о чести. Васильев никогда не клялся в великой любви к отечеству, не рвал рубаху на груди, не кичился предками, - но честь была у него в крови. И его книги, прямо или косвенно, всегда о людях чести.

Все десятилетия после великой победы в нашей печати шла жестокая полемика - чья это победа? Официальная критика делила военную прозу на лейтенантскую и генеральскую, на окопную и штабную. Причем, к лейтенантской и окопной относилась пренеб-

режительно - мол, много ли видели из своего грязного рва пацаны, прямо со школьной скамьи загремевшие в училище и дальше на фронт? По мнению державников, победа ковалась в Кремле, в кабинете мудрого Сталина. И Москву спас именно он. И Ленинград отстоял Жданов.

Васильев в полемику не вступал. Но все его военные повести до сих пор стоят на пути у тех, кто норовит украсть у народа его победу. Девчонки, стоявшие насмерть и погибшие на второстепенном участке фронта, их командир с четырехклассным образованием, не произнесший за всю повесть ни единого громкого слова, неизвестный солдат, забытый в осажденной крепости, сам себе и начальник, и подчиненный, - миллионы таких, как они, выиграли самую страшную войну в истории России. Вся проза Васильева говорит об этом.

Боря был высокообразованный человек, в кругу близких тем просто энциклопедист. Мне запомнился такой случай.

Однажды Васильеву прислал хамское письмо какой-то не слишком грамотный «патриот», упрекнувший писателя как раз в отсутствии патриотизма. Дескать, все его герои носят не слишком славянские имена, ни одного Ивана или Марьи. Не потому ли это происходит, что сам автор Борис, да еще и Львович?

Васильев решил ответить печатно. С жесткой вежливостью он объяснил агрессивному адресату, что как раз Иван и Марья по происхождению типично еврейские имена, а Борис и Лев традиционно русские: Борисом звали Годунова, а отцом Пушкина был Сергей Львович. Но поразило не это: по ходу письма Боря привел все до единого, числом одиннадцать, мужские славянские имена, дошедшие до наших дней. Он и это знал!

Когда в Кремле закончили реставрировать и обустроить Большой дворец, Пал Палыч Бородин, широкий, в чем-то наивный человек, в благодарность за постоянную моральную поддержку пригласил Римму Казакову с друзьями-литераторами полюбоваться результатом. Римма позвала меня, я - Васильева. Боря долго изучал панно, посвященные Бородинской битве - искал имя генерала Алексева, своего прямого предка, одного из героев великой баталии. Это родство воспринималось им не как предмет гордости

(происхождение не заслуга!), а как обязанность соответствовать давней семейной традиции. Кстати, одна из лучших его статей называлась «Честь имею!», и речь в ней шла не о гордости, а именно об обязанности иметь честь. Васильева как публициста я узнал очень хорошо еще и потому, что участвовал с ним в двух общих, как сейчас сказали бы, проектах.

Первый возник в романтическую эпоху перестройки, когда все понимали, что как прежде жить нельзя, страна развалится, а вот как нужно, никто толком не знал. Разрешили кооперативы, еще какую-то экономическую деятельность, страна постепенно оживала, появился робкий мелкий бизнес.

Впрочем, тогдашний бизнес заслуживает отдельного разговора.

Российский капитализм 90-х был авантюрен, красочен и по-человечески красив. Возник он ниоткуда, из фарцы, из мартовской торговли мимозами, из подпольных или просто подвальных крохотных цехов, преступно спасавших голодное и оборванное население в эпоху тотального дефицита. Модные джинсы кроились на кухонном столе и прошивались желтыми нитками, пока не распространился откуда-то взявшийся слух, что в Калифорнии нынче в ходу фиолетовые. Нищие студенты продавали в подземных переходах гипсовые брошки в форме бабочек, - их разбирали, потому что даже убогая бижутерия была лучше, чем «деревянные» рубли, которые уже ничего не стоили, потому что на них ничего нельзя было купить. Помню объявление в газете какого-то тинэйджера, предлагавшего потенциальному заказчику любое время стоять за него в очереди - и такой бизнес существовал! Гением этого периода стал Саша Паникин, выпускник экономического факультета ГИТИСа, курчавый богатырь цыганского вида и темперамента, без капиталов и блата создавший на пустом месте огромный концерн «ПАНИНТЕР» на три тысячи хорошо оплачиваемых рабочих мест. Безотцовщина, поселковая шпана, он начал предпринимательскую карьеру в двенадцать лет перепродажей билетов в кино, а к институтским годам обладал уже смекалкой, бесстрашием и опытом, достаточным для серьезного дела. Увы, в пятьдесят лет не выдержало сердце, - почему-то России с долголетием талантов не так уж часто везет.

Спустя короткое время романтика раннего капитализма кончилась - чиновники и бандиты, почуяв запах серьезных денег, с двух сторон подступили к начинающим российским предпринимателям с уголовным требованием «делиться». А потом бандиты намертво сплелись с чиновниками, - этот альянс до сих пор душит страну. Но тогда, в первый период свободного рынка, все было ярче и простодушней.

Как-то мой друг, журналист-международник Гена Ариевич, привел ко мне симпатичного мальчишечку девятнадцати лет. Мальчишечка сел прямо на пол, на потертый ковер, и изложил свою проблему.

Оказалось, парень в свои девятнадцать уже миллионер - разумеется, рублевый, доллары тогда были в диковинку. Так вот он, торгуя какой-то электроникой, приобрел свой миллион, а потом уткнулся в тот же тупик, что когда-то Остап Бендер: на что потратить? К яхтам и квартирам в Майами еще не было не только привычки, но даже тяги, да что там, в подмосковные особняки заселялись разве что члены ЦК КПСС. И мальчишечка, со школы уважавший Пушкина и Лермонтова, решил заняться благотворительностью в сфере культуры. А я должен был выдать на-гора какую-нибудь перспективную идею.

Идея у меня возникла мгновенно.

К тому времени уже появилось много новых журналов и газет, на фоне этого многообразия тиражи резко упали, и талантливые публицисты, которых прежде делили между собой «Новый мир», «Огонек», «Юность» и «Литгазета», потерялись в сотне конкурирующих изданий. И я с огорчением понял, что уже не знаю, как нынче относятся к быстрым переменам в жизни люди, чье мнение я уважал. Вот я и предложил создать новый журнал, в котором бы из номера в номер печатались одни и те же авторы, мои умные друзья: Юра Черниченко, Коля Шмелев, Вася Селюнин, Лёва Аннинский, Андрей Нуйкин, Алесь Адамович и, конечно же, Боря Васильев. Ну, и еще пять-семь человек. Мне казалось, что такая концентрация мозгов совместными усилиями вдруг да и высечет искру, из которой, Бог даст, разгорится разумное, доброе и вечное пламя. Тут же придумалось название журнала: «Московский клуб». А раз есть название, почему бы не затеять реальный клуб с тем же титулом?

Идея прилась по душе и мальчику-меценату, и Гене Ариевичу. Не откладывая дело в долгий ящик, мы, уже не помню, где, собрали всю нашу компанию и основали «Московский клуб». Адамович на первое заседание не смог прийти, и мы, ухмыляясь, в наказание избрали его президентом клуба.

Смех смехом, а журнал стал выходить: Гена, журналист со стажем, наладил отношения с типографией, нашел хорошего художника, и проект состоялся. Не помню, сколько вышло номеров, что-то от семи до десяти. Честно скажу, лучшего журнала я никогда в своей жизни в руках не держал: неожиданные мысли, блестящий язык, острейшая проблематика и глубина, до которой прочие издания не добирались. К сожалению, журнал жил недолго: юный меценат потратил свой миллион, заработать новый не сумел, и «Московский клуб» умер типичной смертью интеллигента - от безденежья.

Боря публиковался практически в каждом номере. И мне быстро стало ясно, что сильнее Васильева публициста в России просто нет. Равных мог бы назвать: Черниченко, Адамович, Шмелев, еще два-три человека. Но лучше не знаю никого.

Второй, если можно так выразиться, проект возник позже, в 1996 году. Готовились очередные президентские выборы, в первом туре никто не набрал больше половины голосов. Во второй тур вышли Ельцин и Зюганов. Возникла крайне сложная ситуация. Шла чеченская война, и у значительной части интеллигенции, в том числе, литературной, была резкая неприязнь к Ельцину, - в Кавказской бойне винили именно его.

От позиции ведущих московских писателей, тогда еще очень популярных, зависело многое. Чтобы окончательно определиться, мы собрались в кабинете Анатолия Приставкина, в ту пору работавшего в администрации президента председателем комиссии по помилованию. Кабинет был бывший суловский, огромный, солидный и бездарный. Собралось человек, наверное, двадцать пять. Спор был долгий и тяжелый, с упором на ту же чеченскую войну. Литераторы, которых нельзя было не уважать, говорили: «Кто угодно, только не Ельцин». Я был среди тех, кто отстаивал иную точку зрения. Претендентов после первого тура осталось всего двое. В этой ситуации «кто угодно» - лукавый, лживый и трусова-

тый Зюганов, за спиной у которого корыстная и озлобленная коммунистическая номенклатура, в начале девяностых развалившая СССР. Позволить им развалить Россию?

Аргумент сработал: решили поддерживать Ельцина. Для координации этой работы выбрали меня.

Что реально мы могли сделать?

Могли очень многое. Лучшие писатели России стали выступать в центральной и региональной печати со статьями в защиту будущего страны. До сих пор помню замечательные работы Бориса Васильева, как всегда, глубокие и убедительные. Любимых писателей охотно печатали газеты по всей России. Программа была благотворительной: дружественный провайдер рассылал статьи по всем регионам, в которых была компьютерная связь, а газеты печатали, что хотели. Статьи Васильева шли первым номером, очень редко их публиковало меньше сотни изданий.

Любопытно, что у нас не было никакой конторы - ни помещения, ни штата, ни даже юридического адреса: все творилось буквально на коленке. С тех пор мне кажется, что настоящая работа должна делаться именно так.

На выборах победил Ельцин. Конечно, не благодаря нам, но и не без нашей помощи.

Выборы прошли. Но программа осталась: региональные газеты забросали меня звонками и письмами с просьбами продолжать начатое. Мы и продолжали: каждую неделю в регионы уходило когда три, когда даже пять статей. Программа называлась «Золотое перо». Она работала двенадцать лет! И редкая неделя проходила без полемических размышлений Бориса Васильева. Представляете, каково это: быть интересным каждую неделю в течении двенадцати лет!

Замечательный поэт Владимир Корнилов написал однажды о жене Достоевского: «Больше российской словесности так никогда не везло». Володя ошибся - он не был знаком с Зорей Васильевой.

Среди писательских семей эта была долгожительницей - Боря и Зоря прожили вместе больше шестидесяти лет. И как прожили! И через что прошли!

Васильев не раз вспоминал, как они познакомились в бронетанковой академии, как Зоре, круглой отличнице, поручили на

комсомольском собрании готовить к сессии отстающего сокурсника, как они ехали в ЗАГС на подножке трамвая. И - как, гуляя, забрели нечаянно на минное поле, и Зоря настояла, чтобы на обратном пути она шла впереди - ведь она маленькая и легкая, на нее мина не среагирует. У них в жизни были всякие времена, и безденежье, увы, не обошло. Чтобы Боря мог спокойно писать, Зоря продолжала работать редактором на телевидении. Работа была ей привычна, а вот дорога. Они ведь жили не в Москве, а в Солнечногорске. Сперва автобус до станции, потом электричка до Москвы, потом метро, потом снова автобус. А вечером всё то же в обратном порядке. Как она это выдержала? Выдержала.

Мы с моей тогдашней женой ездили к Васильевым несколько раз в месяц, обычно по выходным. Слава Богу, не как гости, с ритуальным тортиком или букетиком. Звонили Зоре, и она говорила, чего в доме нет. Например, картошки, или подсолнечного масла, или черного хлеба, или, иногда, водки. С военных времен оба они, Боря и Зоря, пили именно водку. Понемножку, по чуть-чуть. Потом Боре врачи запретили эту малую радость. Но рядом с его тарелкой все же стояла крохотная серебряная стопочка, на полглотка. Под строгим присмотром жены Боря ее выпивал. А потом говорил мне:

- Пошли, погуляем.

И мы шли гулять. Но - недалеко, до дровяного сарая. Там, среди поленьев, у Бори была заначка - бутылка и пластмассовый стаканчик, с помощью которых он добирал до нормы. Потом наши прогулки до сарая прекратились - Боря чувствовал себя заметно хуже, а потом и вовсе плохо. Причину я знал: лет десять назад Зоря мне сказала:

- У нас рак.

Рак был у Бори. Но Зоря не оговорила: за долгие годы, прожитые вместе, все у них стало общим - в том числе, и Борин рак. Более того, первым номером против проклятой болезни боролась именно Зоря: она покупала нужные таблетки, следила за их приемом, вместе с мужем ходила по врачам, дружила с ними, время от времени укладывала Борю в больницу и в результате выиграла у онкологии минимум пятнадцать лет. А то и больше.

*Зоря Альбертовна Васильева и Л.Жуховицкий, ведущий
85-летнего юбилея Б.Васильева (2009)*

Их любовь и согласие, увы, никак не походили на долгую и беспечальную совместную жизнь гоголевских старосветских помещиков, на их сентиментальную старость. Вскоре после войны по Васильевым жестоко проехала подлая сталинская реальность. Пресловутая «борьба с космополитизмом» ломала судьбы и разваливала семьи. Боря был русским, Зоря, увы, нет. От Васильева, а он был тогда членом партии, требовали, чтобы он развелся с подозрительной женой или, как минимум, выступил на партсобрании с докладом о врачах-вредителях. Он решительно отказался. Пригрозили исключением из партии и, как следствие, крахом всех жизненных планов. Васильев отказался, и тем спас не только потомственную офицерскую честь, но и душу для будущей литературной деятельности. Те, кто в схожей ситуации оказался послабее, кто продал родных, друзей и учителей, заплатили за карьеру творческим бесплодием. Васильеву еще и повезло: вурдалак умер

вовремя, за несколько дней до намеченного судилища над строптивым членом коллектива.

Впрочем, обо всем этом Васильев написал лучше, чем я смог бы пересказать.

Васильевы жили уединенно, вдали от шума городского, в лесу на выезде из Солнечногорска. Для писателя лучше не придумаешь. Но благодаря Зорину гостеприимству людей к ним приезжало немало. Бывали и случайные гости. Нередко совсем посторонние люди просили «свозить их к Васильевым» - в этом было понятное и вполне извинительное желание посмотреть вблизи на живого классика, на дом, на быт, на обеденный стол. Ведь даже в таком коротком полуобщении порой удается ни узнать, так почувствовать нечто важное для собственной жизни. Помню, мой друг Зорий Балаян, писатель, журналист и авантюрист, под каким-то предлогом зашел в Москве к Андрею Дмитриевичу Сахарову. И потом с боязливым восторгом рассказывал мне, что в узком коридоре квартиры у Курского вокзала не было видно стен - сплошные книги!

Однажды к Васильевым так же случайно кто-то привел Илью Урилова, дагестанца, доктора исторических наук, члена Российской академии, по стечению обстоятельств еще и удачливого предпринимателя. Илья увидел не просто живого классика - он увидел большой деревянный дом, неудобный, разваливающийся, и в нем двух стариков, слишком слабых и безденежных, чтобы в этом жилище наладить хоть элементарно приемлемый быт. Зоря рассказывала мне: Илья сказал, что она напоминает его мать, и он просит разрешения помочь ей, как помог бы матери. Он нашел рабочих, оплатил ремонт и привел дом в жилое состояние. Не знаю, на сколько это продлило жизнь писателя Васильева, но продлило точно.

В одной из своих записей Боря признался, что больше всего хотел бы умереть раньше Зореньки. Увы, не сбылось. Зоря в последние годы часто болела, но, то ли не принимала свои хворости всерьез, то ли старалась не огорчать мужа и, по крайней своей деликатности, беспокоить друзей. Поэтому смерть ее показалась неожиданной.

По родным и друзьям она ударила, а Борю - убила. На поминках мы сидели рядом, и сразу почувствовалось, что вместе с Зорей ушла и Борина жизнь. Он невнятно бормотал что-то горькое, от железной офицерской выправки не осталось и следа. У них было шестьдесят

семь лет общей жизни, одной на двоих, и хоть он был великий писатель, а она всего лишь писательская жена, после ее ухода жить обломком этой долгой общей жизни Боря не хотел, да и не сумел бы. Практически, он умер в тот же день, что и она, просто его умирание растянулось на два месяца. На большее сердца не хватило.

Почему-то мы верим сказкам больше, чем тому, что происходит на наших глазах. Сейчас в качестве эталона идеального супружества стараются внедрить старую легенду о Петре и Февронии. Может, стоит за этой историей что-то реальное, может, нет. В любом случае, посмертной славы никому не жалко. Но я бы хотел, чтобы очень долгая общая жизнь Бори и Зори Васильевых - пример любви, заботы друг о друге и высочайшей человеческой верности - осталась и в нашей памяти, и в памяти наших внуков. Ведь эта единая жизнь мужчины и женщины не придумана, не приукрашена стараниями потомков - она реально была. Десятки людей тому свидетели. Я в их числе.